

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-72-101>
<https://elibrary.ru/LAZUOE>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. М. С. Федосеева
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

Экспедиция во Владимирскую губернию 1855 г. в творческой биографии С. В. Максимова

Аннотация: Статья посвящена путешествию писателя-этнографа С. В. Максимова по Владимирской губернии, состоявшемуся летом 1855 г. в ходе его первой большой экспедиции — по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям. Несмотря на то, что впечатления Максимова не сразу были отрефлексированы и сложились в оформленный текст, они оказали значительное влияние на творчество писателя. Сопоставление впервые публикуемой архивной рукописи Максимова, посвященной промыслам Судогодского уезда, и книг «На Востоке» (1864), «Сибирь и каторга» (раздел «Тюремный словарь») (1871), «Бродячая Русь Христа-ради» (1877), «Крылатые слова. Непроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится» (1899), а также привлечение источников, которыми пользовался Максимов, демонстрируют особенности творческой лаборатории писателя, превращение фактографического материала в художественный текст. Исследование результатов путешествия Максимова позволяет говорить о значительной роли поездки как для творчества писателя (в части накопления материала, к которому он будет неоднократно обращаться, формирования принципов писательской и этнографической работы), так и для краеведения Владимирского края.

Ключевые слова: С. В. Максимов, Владимирская губерния, Судогда, этнография, промыслы, офени, путешествие.

Информация об авторе: Мария Сергеевна Федосеева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6051-3949>

E-mail: makanja@list.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 29.07.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 20.09.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Федосеева М. С. Экспедиция во Владимирскую губернию 1855 г. в творческой биографии С. В. Максимова // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 72–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-72-101>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 72–101. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 72–101. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Maria S. Fedoseeva**
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Expedition to the Vladimir Province 1855 in the Creative Biography of S. V. Maksimov

Abstract: The article is devoted to the journey of the writer-ethnographer S. V. Maksimov in the Vladimir province, which took place in the summer of 1855 during his first large expedition — in the Vladimir, Nizhny Novgorod and Vyatka provinces. Despite the fact that Maximov's impressions were not immediately reflected and formed into a framed text, they had a significant impact on the writer's work. Comparison of the first published archival manuscript of Maximov, dedicated to the crafts of Sudogodsky district, and the books "In the East" (1864), "Siberia and penal servitude" (section "Prison Dictionary") (1871), "Wandering Russia for Christ's Sake" (1877), "Winged Words. It is not for nothing and not for nothing that the word is said and will not break until the century" (1899), as well as the involvement of sources used by Maximov, demonstrates the features of the writer's creative laboratory, the transformation of factual material into an artistic text. The study of the results of Maksimov's journey allows to speak about the significant role of the trip both for Maksimov's creativity (in terms of the accumulation of material to which he will repeatedly refer, the formation of the principles of writing and ethnographic work, etc.) and for the local history of the Vladimir Region.

Keywords: S. V. Maksimov, Vladimir province, Sudogda, ethnography, crafts, open, travel.

Information about the author: Maria S. Fedoseeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6051-3949>

E-mail: makanja@list.ru

Received: July 29, 2022

Approved after reviewing: September 20, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Fedoseeva, M. S. "Expedition to the Vladimir Province 1855 in the Creative Biography of S. V. Maksimov." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 72–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-72-101>

Обстоятельства ряда экспедиций писателя-этнографа Сергея Васильевича Максимова хорошо известны, будучи задокументированными в художественных текстах и воспоминаниях. Другие путешествия, предпринятые Максимовым, будто «растворяются» в его жизненной и творческой биографии. Не подытоженные отдельной книгой, они, тем не менее, были закреплены в очерках и стали плодотворным материалом, необходимым для написания его больших обобщающих книг («Бродячая Русь Христа-ради», «Куль хлеба и его похождения», «Нечистая, неведомая и крестная сила», «Крылатые слова. Неспроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится»). К таким путешествиям Максимова можно отнести его последнюю поездку — в Северо-Западный край (1868)¹, а также первую экспедицию — по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям.

Предыстория и обстоятельства первой экспедиции в общих чертах известны, они восстанавливаются по художественным и документальным источникам. Уроженец Костромской губернии Максимов в 1852 г., переехав в Петербург, поступил в медико-хирургическую академию, хотя его интересы лежали в области литературы и гуманитарных наук. В том же 1852 г. Максимов познакомился с журналистом А. В. Старчевским — редактором журнала «Библиотека для чтения». На страницах этого издания в январе 1854 г. состоялся литературный дебют Максимова: был напечатан очерк «Крестьянские посиделки в Костромской губернии». Вслед за ним один за другим в 1854 г. были опубликованы очерки «Извозчик», «Швецы», «Маляр», «Сергач», тепло принятые и высоко оцененные читателями, среди которых были И. И. Панаев, И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский.

---

¹ Попытка соединения материалов об этом путешествии С. В. Максимова предпринята в книге: *Максимов С. В. Очерки о Белорусской земле*. См.: [Максимов 2018].

Ободренный Максимов решил целиком посвятить себя изучению народного быта и литературному труду, оставил учебу в академии и в мае 1855 г. [Максимов 1860: 220] отправился в свое первое литературно-этнографическое путешествие — по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям.

Программа экспедиции предполагала, во-первых, написание для двенадцатитомного «Справочного энциклопедического словаря», издававшегося Старчевским, статьи о В. И. Дале и, в этих целях, встречу с ним в Нижнем Новгороде; во-вторых, изучение на Нижегородской ярмарке условий книжной торговли; в связи с этим Максимов планировал ближе познакомиться с офенями-книгоношами в их родных местах Владимирской губернии.

Энциклопедическая статья о Дале вышла в 1855 г. в Прибавлении (в 4 томе — приложении) к «Справочному словарю», очерк «Нижегородская ярмарка» — в октябрьской книжке «Библиотеки для чтения» [Щербакова 2002: 132–137]; очерк «Вотяки» — в 12 номере «Библиотеки для чтения» за 1855 г. Однако собственно «владимирские» впечатления Максимова, по всей видимости, оказались на этот период неотрафлексированными (Максимов вспоминал, что новые впечатления «в тот выход» были «остаточными» [Максимов 1908–1914. 5: 112]).

Между тем, впечатлений от первого путешествия, предпринятого по интересной самобытной местности, было много. «Теперь всего много в запасе, но кучей и бестолку», — писал Максимов Старчевскому 10 июля 1855 г. из Слободского, предполагая отложить написание текстов «до приезда, когда все уложится и переварится» [Письма: 29].

Первой опубликованной работой по результатам исследования Владимирского края стал очерк «В дороге. Из путевых записок», опубликованный в 1860 г. в журнале «Отечественные записки». В несколько переработанном виде он вошел в книгу «На востоке» (1864). Большое место в нем уделено офеням — торговцам вразнос.

Офенская торговля играла значительную роль в экономике дореволюционной России [Дубровский П.С., Дубровский С.П.: 104]. В годы расцвета она охватывала пространства от Европы до Дальнего Востока. Особенно многочисленны были офени во Владимирской губернии с ее сезонностью и неравномерностью крестьянского труда, а «обилие лиственных лесов (липа, дуб), наличие водных торговых путей (Ока, Клязьма, Теза и др.), <...> а главное религиозно-исторические особен-

ности формирования и становления Российского государства» [Дубровский: 40] создали благоприятные условия для появления здесь обширного иконописного промысла и соответствующей производству по масштабам торговли. Помимо иконного «обмена» офени осуществляли торговлю «красным товаром, сыром, каперсами, колбасами — всем тем, что успело залежаться и прогнить в московских лавках Ильинского ряда, всем тем, на что падок и помещик, и деревенская девка и баба, и сельский поп, в чем нуждается и богатый, и грамотный крестьянин, и щеголиха-попадья, и помещица, и волостная писарша, и почтальонша и проч.» [Максимов 1860: 220]. В их мешках и коробах можно было найти «сукна, плис и разные мелочные товары: серьги, кольца, пуговицы, помаду, духи и т. п., а также книги, которые при помощи их достигают иногда нескольких изданий: у любого офени вы непременно найдете сочинения: “Гуак, или непоколебимая верность”, “Битва русских с кабардинцами”, “о милорде английском” и “Анекдоты о Балакиреве”, которых у каждого наверно есть десятки экземпляров» [Офени Владимирской губернии: 115–116].

Для начинающего исследователя офени были очень притягательны: в силу своеобразия ремесла, быта и языка, достоверные сведения об этом явлении к середине XIX в. были немногочисленны¹, несмотря на распространенность и повсеместность офеней.

---

¹ Существует ряд публикаций об офенях и офенском языке, которые Максиму, судя по всему, не были известны. Это, например, «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» П. С. Палласа (СПб., 1790–1791; суздальское наречие), «Письма к другу» Федора Глинки (СПб., 1816), Труды Общества любителей Российской словесности (за 1820, 1822, 1828 гг.), «Опыт русского словонародного толковника» М. Макарова (1840-е гг.). К середине XIX в. увеличилось число публикаций об офенях и их языке, в частности, появились статьи Ф. Карпова «Особенности торгового быта и торгового языка в Угличе» (1843), Ф. Кисселя «История города Углича» (1844), Т. Боричевского «Искусственный офенский язык» (1850), в 1847 г. в Рязанских губернских ведомостях была напечатана подборка тайных слов рязанских нищих, сообщенных А. И. Пискаревым — «Офенские слова, употребляемые в разговорах рязанским простонародьем»; есть офенские слова и в «Опыте областного великорусского словаря» (сост. под руководством А. Х. Востокова, 1852). Подробный обзор публикаций об офенях и офенском языке см.: [Бондалетов: 2–24, 58, 234; Приемышева: 335–336].

В очерке «В дороге (Из путевых записок)» Максимов упоминает «какие-то из номеров “Владимирских губернских ведомостей”» [Максимов 1860: 220], которые офенскому материалу «еще меньшее количество слов уделили». Ко времени поездки Максимова на Владимирщину в этом издании, не считая незначительных упоминаний, вышли две специальные статьи об офенях: «Офени» в № 6 от 8 февраля 1847 г. (с. 25–27) и «Офени Владимирской губернии» в рубрике «Материалы для статистики и этнографии» части неофициальной «Ведомостей» от 9 апреля 1855 г. (с. 113–121). Автором этих публикаций был Константин Никитич Тихонравов (1822–1879) — видный исследователь Владимирской губернии, редактор (с 1853 г.) неофициальной части «Ведомостей».

Очерк 1847 г. имеет ряд пояснительных подзаголовков, отражающих его содержание («Происхождение Офень вообще. Офени Владимирской губернии, начало торговли их, развитие и упадок. Нынешняя торговля их, Дуван, домашняя жизнь Офень и искусственный язык их»), примечание «По материалам И.Г. Дунаева¹» и словарик из 115 русских слов, которым подобраны офенские соответствия. Статья 1855 г. [Офени Владимирской губернии: 113–121]² отчасти повторяет статью 1847 г., однако она значительно больше по объему, глубже по содержанию (в частности, содержит обширный экскурс в историю торговли на Руси и сведения о происхождении офеней, привлекает исторические документы), а офенский словарь включает уже 260 слов.

Максимов активно пользовался материалами данных статей³ — сведениями о самоназвании офеней («масыки» или «мазыки»), о причинах их появления, об истории промысла, в частности, о крупных торговых домах Дунаева, Синильникова и Юсова. Так, упоминание в статье 1847 г. о том, что «в самом цветущем состоянии офенская торговля находилась до 1820 года, но с этого времени она начала постепенно упадать, потому что крестьяне-капиталисты записались большею частью

---

¹ Городской голова Коврова, который был связан с офенской торговлей и хорошо осведомлен о языке и быте офеней.

² Статья повторяет статью «Офени Владимирской губернии», напечатанную в «Журнале Министерства внутренних дел» (1854. Ч. 9. С. 104–119).

³ Отметим, что вычленить собственноручно собранные Максимовым и «вычитанные» сведения о быте и языке офеней представляется затруднительным.

в купечество и переселились на житье в разные губернии» [Офени: 25], переключается с беседой максимовских героев очерка «В дороге (Из путевых заметок)»: «У Дунаевых, сказывают, офенские артели десятков до двух доходили; и где-где работники ихние не таскались! Потом ведь уж вас на место-то усадили да велели к городам приписываться и торговать там, где указ застал» [Максимов 1860: 229] (речь идет о гильдейской реформе Е. Ф. Канкрина 1824 г., после которой торговавшие крестьяне стали активно записываться в оседлое купечество). Географическая привязка к «Вязниковскому, Ковровскому и частью Шуйскому уездам Владимирской губернии» [Офени Владимирской губернии: 113] могла, во-первых, сформировать маршрут Максимова, а также войти, например, в такой его текст: «Селениями своими они [офени] преимущественно группируются в Вязниковском и Ковровском уездах Владимирской губернии, очень мало их в Шуйском, почти нет в Гороховецком и положительно нет в Суздальском» [Максимов 1860: 220]. Фрагмент статьи 1855 г.: «Почва земли в том краю большею частью болотистая и песчаная, а потому неудобная для хлебопашества, естественно побудила жителей Шуйской и Холуйской волостей искать для себя и семейств своих пропитания на чужбине и заставила их заняться, при недостатке капиталов, ходебщинскою-офенскою торговлею» [Офени Владимирской губернии: 114] мог, будучи художественно переработан, воплотиться в следующем фрагменте очерка «В дороге (Из путевых записок)»: «Печальный, сиротливый вид дороги и окрестной местности <...> Все-то здесь песок, все-то одно божье дерево, ни ржи не видать, ни ячменю <...> Не сеют совсем почти. <...> Много мест на святой Руси видел я, а таких печальных, таких горемычных, Богом обиженных не видывал. <...> все болота, все зыбуны, все заводи. <...> Оттого народ и ходит в чужие люди, что дома жить нельзя: ничего ты с нашей горемычной землей не поделаешь, хоть зубами ты ее борони да слезами своими поливай. Так-то!» [Максимов 1860: 227–228] (ср. почти буквальные повторы в книге «Бродячая Русь Христа-ради»: «Под всеми и повсюду лежит земля комлем и ничего не родит, кроме песчаного червя и ни к чему непригодного, отшибающего от листьев камфарным запахом божьего дерева (*artemisia abrotanum*) [попыни] <...> земля наотрез отказалась кормить. Стала почва бесплодною, малопродуктивною. Куда ни посмотришь — песок да камни» [Максимов 1908–1914. 5: 174–175]).

Статья 1855 г. выражает определенное отношение к офенскому промыслу: «Нередко он берет за полтину то, что сбывает потом за рубль» [Офени Владимирской губернии: 116], которое не раз повторится в описании Максимовым «картавых проходимцев»¹ офеней. Характерно, что офенский язык в «Тюремном словаре» Максимова примыкает к тайным языкам других групп, прикрывающим «преступные замыслы и преимущественно мошенничество» [Максимов 2002: 445].

Из известных Максиму публикаций, которыми он пользовался при изучении офеней и написании своих текстов («В дороге (Из путевых заметок)» и «На Востоке», «Тюремный словарь»), назовем также статью И. И. Срезневского «Афинский язык в России» [Срезневский]. Срезневский серьезно работал над этой темой, в составленном им, но неопубликованном русско-офенском словаре содержалось 579 русских слов и соответствующих им 1053 офенских, в упомянутую статью же вошло 249 офенских слов и словосочетаний [Приемышева: 338–339], а также размышления о природе и происхождении офенского языка (они были продолжены в более поздней статье «Мысли об истории русского языка» (1849)). Также можно с уверенностью говорить о том, что Максимов был хорошо знаком со статьей В. И. Даля «О наречиях великорусского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской Академии наук» (1852). Материалы этой статьи Максимов использовал (вплоть до буквального сходства текстов) в очерке «Нижегородская ярмарка» (1855) [Щербакова 1997: 110, 111]. Также очевидно влияние статьи Даля на описания владимирского говора в очерке «В дороге (Из путевых заметок)», книге Максимова «Бродячая Русь Христа-ради». Так, наблюдения Даля «в Судогде много старинных и особенных слов — хотя она населена поздно, — например, листопад — октябрь, густарь — август; неточию, не толико, пажить — ярый, вопить, мышлявый (хитрый), огуряться, пудкий (робкий) и проч. Затем, цокают², чвакают и даже местами дзекают, а вместо щ произносят двойное шш» [Даль: 55], «в двух <...> губерниях, Владимирской и Нижегородской,

---

¹ В очерке «Булыня»: «владимирские картавые проходимцы»; в «Тюремном словаре»: «картавые проходимцы офени»; в книге «Бродячая Русь Христа-ради»: «всесветные проходимцы, картавые торговцы — офени».

² Ср. также: «Это владимирское наречие, с легким цоканьем» [Даль: 57].

на весьма ограниченной местности, к цоканью и чавканью присоединяется род дзеканья» [Даль: 53–54] нашли отражение в следующих текстах Максимова: «разговор его был резко отличен от обыкновенного и не всегда понятен по множеству новых слов. <...> Я их записал тогда и теперь помню <...> “припоромить” (приютить). <...> бажает (жаждет), и кружку с квасом назвал “ручкой”: заведай (покушай, отведай), Трухни солью-то! <...> “непыратый” (худой), “незагнойчивый” (ласковый) <...> “пудок” (робок) <...> Это был один из судогодских лесовиков, которые и пастбища до сих пор зовут “пажитями” и вместо посетить говорит “назрит”, вместо толстый — “дебелый”, вместо горячий — “ярый” — словом еще продовольствуются многими старинными оборотами и словами из глубокой древности» («Бродячая Русь Христа-ради») [Максимов 1908–1914. 5: 113–114]; «судогодские всегда, сверх того, приметны, потому что в разговорах, в отмену прочим, прицокивают и придзекивают» [Максимов 1908–1914. 5: 201], «“опять мужицек пойци хоцет” на такой же промысел и сам “отец не сышшет”, куда забрался сын, и “где его найци не ведать” (говоря их же своеобразным наречием)» [Максимов 1908–1914. 5: 217]. К материалам Даля и своим наблюдениям над офенским языком и речью Максимов вернется позже, в книге «Сибирь и каторга», в очерке «Тюремный словарь и искусственные байковые, ламанские и кантюжные языки». Там он, в частности, сделает попытку проследить связи между этими языками и объяснить лингвистические явления историческими процессами — например, существование отверницкой речи он объясняет привлечением Потемкиным-Таврическим в дарованные ему в Белоруссии земли (Кричев, Дубровну, Усвят в Витебской губернии) «русских людей в виде ремесленников и торговцев»: первые принесли сюда ремесла и промыслы, среди вторых были офени, «которые ходили сюда торговать и, при поощрениях владельцев, оседали с большою охотою» [Максимов 2002: 462].

Надо отметить, однако, что в ряде вопросов мнения Максимова и Даля расходились: так, в отличие от Даля, который полагал, что офенский язык «далеко не полон и ограничивается нужнейшим в быту ходебщиков» [Даль: 58], Максимов позже (в «Тюремном словаре») писал об «известного рода оконченности и богатстве» [Максимов 2002: 467] офенского языка, по крайней мере, по сравнению с другими искусственными языками.

Личное знакомство Максимова с Далем состоялось в Нижнем Новгороде летом (скорее всего, в начале августа) 1855 г. Интересно, что в это время Даль довольно плотно занимался офенской темой. В начале 1854 г. к Далю — он на тот момент (с 1849 г. по 1859 г.) занимал должность управляющего удельной конторой в Нижнем Новгороде и активно занимался составлением Толкового словаря — обращается министр уделов и управляющий кабинетом Его Величества, глава учрежденного в 1853 г. при Министерстве внутренних дел Российской империи Особого секретного комитета граф Л. А. Перовский с просьбой составить словарь «искусственного» языка офеней, который «может иметь интерес не только этнографический, но и правительственный, потому что на офенском языке производится часто переписка наших раскольников» (официальное письмо от 9 января 1854 г.) [Бондалетов: 27]. Далю сообщалось главное местопребывание офеней — юго-восточные уезды Владимирской губернии. Даль охотно взялся за дело, тем более что в его арсенале уже были некоторые запасы офенской лексики: так, в своей известной статье «О наречиях русского языка» (опубл. в «Вестнике Императорского Русского Географического Общества», 1852. Ч. 6, кн. 1, отд. IV) в разделе «О языках искусственных» он приводил «образчик» речи владимирских офеней¹. Чтобы словарь был полнее, Даль запросил материалы из мест, где проживали офени — Владимирской, Костромской, Калужской губерний. К концу 1854 г. офенско-русский словарь был готов; в начале 1855 г. был завершен и обратный — «Русско-офенский словарь» [Бондалетов: 4–32]. Словари включают более 5 тысяч слов. Однако они не заинтересовали правительство, поскольку практически не содержали религиозной лексики. Более того, Даль указывал, что слово «офени» является производным от слова «офест», то есть крест, а сами офени поэтому даже по имени своему — христиане [Даль: 58–59]. Данного вопроса Максимов коснется в предисловии к «Тюремному словарю»: «На языке офеней переписывались белокрыничские (австрийские) раскольники с московскими и вообще живущими внутри Империи» [Максимов 2002: 477].

Для нас история создания Далем офенских словарей интересна тем, что проливает свет на отношение офеней к Максиму как к возмож-

---

¹ Даль приводит текст и перевод из «Трудов Общества любителей российской словесности» за 1822 г.

ному «сыщику-фискалу» [Максимов 1860: 240]: подозрения, выведенные писателем в очерке «В дороге» (и в книге «На Востоке»), в этом свете представляются небеспочвенными.

Можно предположить, что в ходе личной беседы Даль и Максимов могли коснуться офенской темы, интересной и актуальной для обоих. Даль мог поделиться своими материалами и наработками, в том числе и в области офенского словаря.

Однако многие слова офенского языка, которые приводит Максимов, не совпадают с прописанными в указанных публикациях. Очевидно, писатель пользовался собственными записями. По его утверждению, более тысячи слов было записано им в Холуе [Максимов 1860: 233]. Это был центр иконописного промысла, в разных этапах которого были заняты все жители. Поскольку промысел ориентировался на ремесленное производство дешевых икон (в отличие от промысла «других, богатейших сел Мстеры и Палеха», где он позже побывал), окрестности Холуя были заселены «исключительно одними офенями» [Максимов 1860: 223], поскольку иконописный и офенский промыслы были тесно сопряжены. Этнограф И. Пантюхов в описании селения Холуй в 1870-е гг. пишет: «Хотя в списке населенных мест Владимирской губернии число офеней показано всего 5000, но, по обеим сторонам дороги от Вязников через Мстеру, Холуй до Палеха, на протяжении 75 верст живут офени. Из 545 населенных мест Вязниковского уезда, по крайней мере, в 200-х большая часть взрослого мужского населения занимаются торговлею» [Пантюхов: 87]. В Холуе Максимов прожил две недели в ожидании Тихвинской ярмарки (начиналась 26 июня (9 июля по новому стилю)), на которой мелкие офени оптом закупались товаром на сезон. В течение этого времени Максимов собрал много сведений об иконописном промысле, быте холуйцев, которые позже опубликовал в очерке «В дороге (Из путевых записок)». Много сведений он собрал от офени-хозяйчика, с которым познакомился на базаре и от которого, в обмен на хмельное угощение, «писалось уж слов за тысячу» [Максимов 1860: 233]; также, от скуки, он «повадился ходить на мельницу <...> где молодой парень мельник <...> охотливо за штоф пива сказывал офенские слова новые и исправлял *прежде пойманные и записанные* (курсив мой. — М. Ф.)» [Максимов 1890: 375]. Эти ремарки говорят о том, что на момент пребывания в Холуе (июнь) Максимовым уже был собран (скорее всего, вкупе с вычитанным в литературе) значительный корпус офенских слов.

М. И. Щербаковой установлено, что большой корпус офенских слов и их значений был записан Максимовым в июне 1855 г. в селе Ландех [Щербакова 1997: 37–38] (уточним — Нижний Ландех): «адрес» записи сохранился в первой журнальной публикации отрывка — в «Отечественных записках» (1860, кн. VIII, с. 238 и 246)¹, а в последующих публикациях «по причинам, понятным из содержания рассказа, село окazyвалось безымянным» [Щербакова 1997: 38]. Пешком придя из Холуя в Ландех, Максимов пробыл там 8 дней и добыл такие сведения о быте и языке, которых он «не мог доспроситься в трезвые минуты и никогда бы не добыл их прямым путем» [Максимов 1860: 237]. Дело в том, что время экспедиции — «три вакационных месяца» по «отпускному билету от медико-хирургической академии» [Максимов 1860: 240] — было выбрано удачно²: Максимов застал возвращение офеней в родные места «на побывку», в частности, праздник «дуван», связанный с расплатой хозяина с работавшими на него офенями, а также увидел Нижегородскую (Макарьевскую) ярмарку, на которой жизнь офеней была завязана: «Прогостишь-то ты, чай, до макарьевской ярмарки, а там тебе велено в Нижний ехать, товары принять да к везти их на место, к хозяину» [Максимов 1860: 227], — говорит офене ямщик в очерке «В дороге (Из путевых заметок)»; «Теперь офени, перед Нижегородской ярмаркой, домой поплелись <...> Расчет получили — им весело» [Максимов 1890: 375], — будто бы вторит ему мельник в книге «Крылатые слова» (очерк «Песни играть»); «взянниковец — мелкий офеня в дальнем городе, <...> во все лето <...> только шатается по соседям и пирует с досужими и охочими до начала нижегородской ярмарки. Здесь он заручается у хозяина новым товаром и едет на свое место

¹ «... налетело темное, дождливое облачко, которому суждено было омрачить ясный горизонт моей жизни в Ландехе» (с. 238), «На другой день, на ранней заре, я выбрался из Ландеха <...> околицей Ландеха <...> попал мне один из моих знакомых офеней» (с. 246).

² Возможно, не без влияния статьи Тихонравова «Офени», где сообщалось, что офени «каждый год на Нижегородской и Холуйской ярмарках, а частью и в Москве закупают первоначально товары, а с 20 августа по 10 сентября начинают отправляться из домов своих в Малороссию, польские и западные губернии и в самые отдаленные края Сибири, производя торг везде развозкою и разноскою по домам и на ярмарках, — а возвращаются домой к 1 мая и июня, последние, так называемые изо-стачи, приезжают к 1 июля» [Офени: 26].

опять года на три — на четыре», — говорит рассказчик в книге «Бродячая Русь Христа-ради» [Максимов 1908–1914. 5: 178].

Пробыв во Владимирской губернии немногим более месяца, Максимов от «вязниковцев (офеней и богомазов)» по нижегородской дороге через Пурех отправился к «бурлакам» (в Нижегородскую губернию) [Письма: 29]. Но начало дальнейшей работе над темой было положено. Писатель встретил офеней на Нижегородской ярмарке («на одном из постоянных дворов на нижнем базаре, потом в ресторациях на мосту и на песках» [Максимов 1860: 248]). Позже он наблюдал их в Москве на Ильинке, на Никольской — в книжных лавках, в проходных воротах у торговцев лубочными картинками и в ближайших с городом трактирах [Максимов 1860: 248]; об этих же офенях вспомнит Максимов в книге «Крылатые слова»: «“Петушками”, как известно, издавна принято называть в книжной торговле все те дешевые лубочные книжки, которые стаями нарождаются в Москве на Никольской улице и разносятся в коробах владимирскими офенями по всей деревенской России» («Четвертая правда. “У воскресенья в Кадашах”») [Максимов 1890: 122]. Офени встретятся ему в путешествии по Архангельской губернии — в Кеми и Мезени, в Пензенской, Тверской, Костромской, Вятской губерниях, в Сибири, на Кавказе, в Западном крае, а также в Петербурге [Максимов 1860: 248].

«Следы» путешествия к офеням встречаются в более поздних текстах — книге «Бродячая Русь Христа-ради», «Тюремном словаре». В качестве примера приведем фрагменты, касающиеся разных названий офеней в разных регионах России: «В большей части случаев они известны под общим прозвищем *офеней, ходебщиков, корабейщиков, разнощиков*; в Малороссии называют их *варягами*, в Белоруссии — *маяками*, на севере Великой России — *торгованами*, в Сибири — *суздалами*, на Кавказе — *вязниковцами*; сами себя зовут они *мазыками*», — отмечается в очерке «В дороге (Из путевых заметок)» [Максимов 1860: 220]; в «Тюремном словаре» Максимов повторяет, что «в различных местностях России офеней называют различно: варягами, торгованами, корабейниками, ходебщиками, разносчиками, суздалами, офенями, маяками и проч.» [Максимов 2002: 461]; в книге «Бродячая Русь Христа-ради» также упоминаются «офени, у которых за великое их мастерство и известность в разных странах России существуют разные прозвища (и таких названий больше десятка)» [Максимов 1908–1914. 5: 174].

Однако постепенно, в силу разных причин, некогда повсеместный промысел претерпевал изменения. С 1820-х гг. торговавшие крестьяне записывались в оседлое купечество. Создавалась сеть государственных дорог (так, в 1858–1862 гг. была построена Московско-Нижегородская железная дорога), и, как следствие, подконтрольная государству торговая сеть, что в итоге и привело к нарушению и распаду структуры офенской торговли. Таким образом, Максимов оказался бытописателем малоизученного явления, постепенно уходящего с исторической сцены. Так будет еще не раз. М. И. Щербакова, анализируя весь творческий путь Максимова-этнографа, среди его заслуг особенно выделила эту способность освещать «те пласты русской культуры, которые уже при нем исчезали из национальной исторической памяти», «тех ее сторон, которые традиционно оставались в тени» [Щербакова 1997: 6, 16].

Описание промыслов края является чрезвычайно значимым для этнографии результатом путешествия Максимова по Владимирской губернии. В своих первых, «костромских» очерках, печатавшихся в журнале «Библиотека для чтения» в 1854 и 1855 гг. (то есть в период владимирской экспедиции), Максимов уже обращался к неземледельческим отхожим промыслам, описав в одноименных очерках таких промышленников, как грибовник, сергач, булыня, пастух, повитуха, знахарка, маляр, колдун, сотской, дружка, швецы, извозчики, строитель (в очерке «Питерщик»). Владимирская губерния с ее природными особенностями (болотистая местность и плохие почвы при наличии хороших лесов) давала большую пищу для его пера. Основной массив наблюдений, сделанных в экспедиции в 1855 г., оказался востребованным два десятилетия спустя, в книге «Бродячая Русь Христа-ради» (1877).

«Хлеб», по мнению Максимова, — это то фундаментальное начало, которое определяет быт и мировоззрение крестьянина, соответственно, отсутствие этого начала определяло жизнь населения в регионе. Несмотря на то, что местные крестьяне старались еще «сохранять старинный и заветный характер земледельческого народа» [Максимов 1908–1914. 5: 112], Максимов неоднократно повторяет, говоря о Владимирской губернии, что «даже полный урожай круглый год не прокормит; без прикупки чужого хлеба не обойдешься» [Максимов 1908–1914. 5: 124], своего хлеба на семью хватает едва до Святков [Максимов 1908–1914. 5: 124, 130, 181, 199]. «Если же и родит земля, то очень скудно:

и хорошо удобренная, при десяти четвериках посева, самое большое сам-шесть, а того чаще сам-четверть и даже сам-друг» [Максимов 1908–1914. 5: 175], — пишет Максимов о Судогодском уезде. Потому с незапамятной старины в этих местах приобрели промысловый навык, и по их разнообразию у «промысловой Владимирской губернии» [Максимов 1908–1914. 5: 112], по мнению Максимова, «нет уже соперников на всем пространстве русской земли» [Максимов 1908–1914. 5: 186].

Приведем пространный фрагмент из книги «Бродячая Русь Христа-ради» (без многочисленных интересных подробностей жизни промышленников), где Максимов пытается охватить взглядом и отразить движение промышленников по Владимирской земле:

Вот, не больше месяца тому назад, ехали мы по той же Клязьме «аргунами»¹, где — по пословице — и лапшу топором крошат: весь народ уходит плотничать. Из 550 деревень, имеющих в центре волость Аргуново, а на стороне — старинный город Киржач, не уходят в дальнюю сторону только 40 деревень, <...> только несложившиеся в полную силу ребята, да совсем рассыпавшиеся старики. <...> По правую сторону верховья Клязьмы, действительно, живут настоящие каменщики <...> Шерстобитным мастерством всех больше прославились фетиньевцы. С реки Вязьмы бродят по чужим деревням швецы-портные очищать ту статью в деревенских хозяйствах, которая не попала в руки шерстобитов: овца нестриженная и в племя пущеная, а в шерсти зарезанная для зимней шапки и полушубка. Эти — мастера опять на две руки: и песни петь, и сказки врать. Недалеко, в стороне, и Алексино со всесветными проходимцами, картавыми торговцами — офенями <...> Эти уходят торговать красными и разными товарами, а петроковские мужики — жить в пастухах, чужой скот пасти, на рогу играть. <...> Целое село — колодезники: ходят только колодцы рыть. <...> он сквозь землю видит и по опрокинутой сковороде воду смотрит, и жилу находит. Сруб тебе сделает, так что никогда не осыплется. Словом, мы попали в настоящую бродяжью сторону, где живут все выходцы и мастера на все руки. Здесь даже и те промыслы (как скорняжий, кузнечный и

---

¹ Основным занятием жителей Аргуновской волости была плотницкая работа. Аргуновские плотники были известны не только в своей губернии, но и в Москве, Ярославле, Костроме и Санкт-Петербурге. Слово «аргун» стало именованьем всех плотников из Владимирской губернии и вошло в словарь Даля.

кожевенный), которые всюду и все привыкли считать и видеть оседлыми, носят бродяжий, подвижной характер. <...> От <...> беды побежали вразброд и вразпуски в разные стороны: кузнецы — за сбором старых серпов по окольным губерниям <...> каждый — в свой участок, ни за что не позволяя себе переступить в чужой. В своем, который достался по наследству, серповщик собирает старые и испорченные серпы, раздает исправленные и продает новые, самим выкованные и вызубренные <...>; скорняки и кожевники «на низ» (на юг России). <...> Вязниковский богомаз <...> круглый год, сидя дома, пишет иконы <...> Наламывая спину и грудь за ткацкими станами, в низких и смрадных светелках и на фабриках, на всякую руку: и ручной миткаль, и красную пестрядь, и набивной ситец, сарпинку и холстинку <...>. В Хрионовщине делают известные на всю Русь косы: с осени до заговенья куют, с Благовещенья отделявают и точат <...>. Иной и телеги сколачивает¹ <...>. По торфяным берегам, в поймах Клязьмы-реки и по маленьким речкам, растет козья ива, чернотал (*salix pentandra*); забираясь туда, судогодские мужики после Покрова кору дерут с этого чернотала и высматривают для того самое ненастное время, когда эта кора лучше отстает, и тем Бога хвалят: почитают святой труд и не гнушаются работой, которую ценят и хвалят на кожевенных заводах, и деньги платят с пучка. <...> другие роют ямы и морят в них уголья — тоже продажный и ценный товар. <...> Дальше — по той же тореной дорожке тянутся артелями пильщики <...> сплошь и рядом двор о двор лепят горшки... [Максимов 1908–1914. 5: 173–183].

Появление и существование промыслов обуславливалось природными причинами: «Жившим в лесах нетрудно было сделаться плотниками <...> Потруднее и позднее привелось сидевшим на глине стать горшечниками и вблизи болотных железных руд — кузнецами» [Максимов 1908–1914. 5: 186].

В архиве Пушкинского Дома в фонде Максимова среди недатированных черновых заметок и планов статей хранится интересная руко-

---

¹ О тележном и ямщицком промысле у владимирцев Максимов вспомнит и в очерке «Нижегородская ярмарка»: «владельцев лошадей и длинных телег, жителей или подгородных деревень, или, по большей части, Муромского уезда Владимирской губернии. <...> по нужде и по обычаю отцов и дедов» [Максимов 1908–1914. 13: 288–289].

пись¹. Это данные списком промыслы Судогодского уезда Владимирской губернии. Приводим этот лист:

Судогодский (далее следуют расчеты. — М. Ф.)

Скорняжный (Мордасово, Дмитриевское): выделка овчин и вообще мехов, шитье тулупов, шуб, полушубков.

Тележный (19 селений): колеса, сани, телеги (особенно деревня Высокая река — первое место в губернии). Поставляет эта деревня сани почти на всех ямщиков между Влад., Моск., Муромом и Вязниками. С ранней осени до Пасхи. 35 руб. в зиму. Телеги от 25–35 руб. с марта до Петровок.

Бондарный: 13 селений и вообще: в Бережковской волости до 180 бочаров. Бочки, кадки, улья, ведра, коромысла, обручи.

Деревянные изделия: 9 селений и волость (Бережковс.). Лопаты. Грабли — (д. Климовская)

Столяр. и плотниц. изделия: Бережковская волость: укладки и сундуки

Деревян. посуда: 46 селений и Бережк. вол. Деревян. посуда. Корыта. Бураки.

[37.46] Мелкие дерев. поделки: Черенки для серпов из осины в неделю на 40 коп. а занято 130 семей в Бережк. вол. всего требуется

21 милл. на 4,000 руб. Семья заработает 33 руб.

Кузовья из бересты и лыка

Гончарное все деревни по верховьям рр. Кестомы, Нерехты, Колпы, Тетрухи и Ушны. Село Новлянское. Горшки. 15 руб. в год до 30 и 40 руб. (и то при усиленной работе: дешевизна изделий).

[14.18.21] Стеклянное: шлифовка и гранение стекла: с. Мошок. д. Колычево. всего на 54 шлифовал. колесах, привод. конными приводами.

Распродажа в год на 75 т.р. см. ниже знак z

Обделка камня: жернова надгробные камни (из известняка) сплав по Клязьме. Из белого камня

Кузнеч. изд. Скребницы. Подковы. Гвозди. Заслонки. Кочерги. Сковороды (и т. д) в 20 селениях

Ножовый товар: ножи. вилки. Ножницы. в 4 местах (Ножницы для овец)

Землед. орудия: Сошники. Лемехи. Бороны. Кирки. Косы. Серпы. Заступы. (с. Авдотьино). Косы в особенности.

---

¹ ИРЛИ. Ф. 565. № 17. Л. 3.

знак z с. Мошок серебрение и золочение хрустальн. посуды))

Серповидные чистый доход в год 88 р.

Список населенных пунктов и распространенных в них промыслов дополняют в нескольких местах расчеты Максимова.

Источник этих сведений — были ли они почерпнуты из литературы или же являются результатом наблюдений самого Максимова — пока установить не удалось. Соответственно, данный лист можно датировать периодом между 1855 г. (временем подготовки и участия в экспедиции) и 1876 г., когда в книге X «Отечественных записок» за 1876 г. был опубликован очерк Максимова «Нищebroды и калуны» с почти буквальными совпадениями с текстом недатированной заметки.

Любопытно проследить, как документальные сведения и расчеты включаются в художественный текст. Конспективная строчка о гончарном промысле: «Гончарное. Все деревни по верховьям рр. Кестомы, Нерехты, Колпы, Тетрухи и Ушны. Село Новлянское. Горшки. 15 руб. в год до 30 и 40 руб. (и то при усиленной работе: дешевизна изделий)» у Максимова преобразуется в художественный текст: «Как уж за Судогдой в глине круто пляшут и на всякую статью эту глину месят! И какие славные горшки лепят, кувшины делают, на занятные игрушки детские стираются, и посягают на всякое дело: бусы, государь мой, мастерят на украшение девичьих шеек! Хорош и горшок в продаже и в деле. Веселые и проворные руки делают их в день до полусотни: эка масляница! А горшок-от стоит копейку, самый большой покупают за гривенник. *Как ни надседайся на горшках, больше 15 рублей в год не навертишь и больше 30 рублей не выручишь на самых больших и красивых (курсив мой. — М. Ф.)*» [Максимов 1908–1914. 5: 179].

Подробно описывает Максимов промысел серповщиков, якобы «самый богатый» и «самый барышный», и развенчивает этот миф, приводя расчеты: «Самым богатым надо полагать серповщика. Много он ходит, громко стучит, рублей на девяносто в год нагремит и набегает. Кажется, сильнее его и быть невозможно: такой богач! А станешь учитывать, по делам его деньги разбирать, и раздавать, и нехотя скажешь: беги-ка, брат, и в четвертый раз» [Максимов 1908–1914. 5: 179]; «Тупой серп надо выправить, отточить и вызубрить; на то и зубрильчики в соседях живут. Ему за сотню надо дать полтора, а не то и два цалковых. Себе серп обойдется в две копейки — дадут четыре, пять копеек.

За зиму надают рублей до ста, да 60 проездишь, проешь: 30 рублей дома останутся на ков, на соль, на государеву подать» [Максимов 1908–1914. 5: 132]. Здесь прослеживается ход мысли Максимова, зафиксированный и в недатированном документе, который имеет буквальные сходства с художественным текстом. Художественный текст «Если взять четвертную за те деньги, что наши мастера выручают, то и будет это так точно и про овчинников, и про тележников, хоть бы пускались эти и на хваленую работу: на черенки для серпов и на мелкие деревянные поделки (по 20 копеек за сотню)» [Максимов 1908–1914. 5: 179–180] очевидно вытекает из строки «[37.46] *Мелкие дерев. поделки: Черенки для серпов из осины* в неделю на 40 коп. / а занято 130 семей в Бережк. вол. всего требуется / 21 милл. на 4,000 руб. Семья заработает 33 руб. (курсив мой. — М. Ф.)» и расчетов, приведенных в самом начале документа: 4000/130 790 33. Этот документ наглядно демонстрирует отмеченные исследователями свойства прозы Максимова — «органичное художественное единство живого материала наблюдений писателя в сочетании с письменными документами» [Щербакова 1997: 408, 15], фактографичность его творчества, которое диктует необходимость изучения материалов и источников его книг, «в результате которого проясняются многие секреты творческого процесса» [Щербакова 1997: 10].

Важно отметить большое значение данной рукописи для этнографии Владимирского края. Сведения о промыслах Судогодского уезда в литературе XIX в. скудны и неподробны. Так, в «Статистическом обозрении состояния Владимирской губернии в 1817 году», опубликованном во Владимирском историко-статистическом сборнике в 1869 г., отмечалось, что жители занимаются рубкой леса, нанимаются работниками на стекольные заводы, а в некоторых селениях «занимаются кузнечною работою, деланием повозок, колес, саней и разной посуды», но в целом «в Судогодском уезде крестьяне почти никакими ремеслами не занимаются и этот уезд по всем предметам можно почесть самым бедным во Владимирской губернии» [Благовещенский: 36, 50]. Максимов уточняет и детализирует данные сведения на середину XIX в.

В книге «Бродячая Русь Христа-ради» подробно освещен еще один промысел, не упомянутый в рукописи Максимова среди промыслов Судогодского уезда, — нищенство в разных его видах — вынужденное или профессиональное: «"Христа-ради" <...> бывает разное» [Максимов 1908–1914. 5: 135]. Максимов отмечает повсеместность этого яв-

ления на Руси и пытается определить его природу. В корне нищенского промысла здесь, «в центре Великой России» [Максимов 1908–1914. 5: 185], он видит природные, экономические, религиозные факторы. «Безрасчетное хозяйство беспутных детей расточило богатое наследство отцов: исчезли леса, а за ними обмелели реки и затошала почва в стране, где и самые города получили название от лесов <...> (*древний Стародуб — нынче Кляземский Городок; гор. Ярополч с урочищем на Вязех, нынешние Вязники*) и от плодородия почвы (*Меленки, Гороховец*)» [Максимов 1908–1914. 5: 174]. Эта «неблагонадежная земля» не могла ни привязать к себе, ни дать волю в силу «не знавшего милосердия крепостного права» [Максимов 1908–1914. 5: 188], которое здесь, по замечанию Максимова, налегло «раньше всех и тяжелее прочих и за то, что владимирскому краю привелось попасть в руки первых строителей северорусской земли, и за то, что именно здесь и в крайней близости одновременно совершался акт великого государственного объединения» [Максимов 1908–1914. 5: 184–185]. Максимов описал невеселые «проселки унылых заклязменных мест» [Максимов 1908–1914. 5: 120], где он видел «одну лишь неизбывную бедность» [Максимов 1908–1914. 5: 128]: в крае, где пишут тысячами иконы и запасают на всю Россию и Азию фабричный миткаль, в офенском крае, он увидел «тягло с образами, почернелыми и источенными тараканами», порты и рубахи из домашней пестряди [Максимов 1908–1914. 5: 127–128]. Находит он и другие сильные образы, во всей полноте выражающие нищету края, — в частности, образ «грязной осенней дороги» [Максимов 1908–1914. 5: 170]: «На дворе все еще та же осень, сырая и дождливая, с холодком и грязью, и с отчаянною бездорожицею, какая захватила меня на р. Клязьме и ее притоках» [Максимов 1908–1914. 5: 172]¹. Дорога эта ведет, в частности, в «Адовщину»² («Черную Сторону», «Черный угол») — к группе деревень в северной оконечности Судогодского уезда Владимирской губернии, где «весь народ сплошь, и старый и малый,

¹ Это описание вызывает в памяти картины, увиденные Максимовым в ходе пешего хождения с офеней-хозяйчиком на торжок и описанные в книге «В дороге (Из путевых заметок)»: «безутешная, тоскливая местность»: «пыльная дорога, в деревнях ломаные гати, прорезывающие дорогу по болотам; ржавые болота эти — топкие, сырые» [Максимов 1860: 234].

² Искаженное «Одоевщина», по фамилии землевладельцев.

и сильный и немогутный, все нищие. И нищенствуют они не от нужды, а ради промысла» [Максимов 1908–1914. 5: 170].

Максимов подробно описывает это большое и древнее «нищенствующее государство» [Максимов 1908–1914. 5: 184], населяющий его народ, который (в особенности из судогодского села Маринина) «расходился в разные стороны на добрые места, не пугаясь даже дальней Америки и неближней России и Африки» [Максимов 1908–1914. 5: 184], называет причины появления «судогодских нищebroдов» [Максимов 1908–1914. 5: 210]. Неблагоприятные природные условия, которые могли бы вызвать к жизни кустарные промыслы, были осложнены здесь тяжелыми экономическими факторами («жителям сначала, как и всем, по выражению знаменитого крестьянина Посошкова¹, не давали обрастать, но стригли, яко овцу до года» [Максимов 1908–1914. 5: 190]), а также «людской слабостью — ленью» [Максимов 1908–1914. 5: 123]. Были и специфически местные условия развития промысла: твердость края в христианской вере (Максимов отмечает, что христианство «успело пустить здесь глубокие и надежные корни. Поверяя результаты прошлого наличным наследием, мы видим владимирскую страну во главе и в первых по числу церквей и по количеству духовенства» [Максимов 1908–1914. 5: 187], «в редком селе нет <...> чудотворной иконы. Почивают по городам <...> святые угодники, и князья, и святители...» [Максимов 1908–1914. 5: 180]), для которой помощь неимущим является законом, а также «ближнее соседство богатейшей нижегородской ярмарки» [Максимов 1908–1914. 5: 190]. «Перепробовал наш народ все промыслы: надо, знать, быть на земле и такому!» [Максимов 1908–1914. 5: 182], — подытоживает Максимов. Упоминание о судогодских нищebroдах встретим мы и в книге «Сибирь и каторга» в очерке «Тюремный словарь»: «Подмечен искусственный [кантюжный, нищенский — М. Ф.] язык у нищих, где нищество превратилось в правильно организованный промысел (во Владимирской, Тверской, Рязанской и Московской губерниях). <...> {Кантюжить — нищенствовать. Наглухо

---

¹ Иван Тихонович Посошков (около 1652–1726) — первый русский экономист-теоретик, мыслитель, публицист, предприниматель и изобретатель. Основное сочинение — социально-экономический трактат «Книга о скудости и богатстве» (1724, опубликован в 1842 г.). Впервые выступил с инициативой законодательной регламентации повинностей крепостных крестьян.

заколачивают избы и уходят собирать на мнимое погорелое место множество деревень под самую Москву и почти весь Судогодский уезд Влад. губ.}]» [Максимов 2002: 477].

Наряду с профессиональными нищими Максимов описывает и нищих «временных» — просящих по деревням милостыню погорельцев. В книге «Бродячая Русь Христа-ради» в разделе «Нищая братия. Побирушки и погорельцы» пожарам, испепеляющим целые деревни, их причинам и последствиям уделено значительное место [Максимов 1908–1914. 5: 115–118]. Пожары были обычным, но оттого не менее бедственным явлением повсеместно, и во Владимирской губернии особенно. Ознакомление с «Таблицами, следующими к извлечению из отчета Министерства внутренних дел за 1833 год» и «Табелью о происшествиях, более или менее замечательных, в 1833 году» [Журнал] показывает, что Владимирская губерния была в лидерах по количеству пожаров. По нашему предположению, информацию о пожарах Максимов мог почерпнуть, листая подборку «Владимирских губернских ведомостей», где регулярно публиковались сведения о пожарах, мерах предосторожности, средствах тушения и спасения угоревших людей.

Путешествие по Владимирской губернии Максимова было сопряжено с разного рода сложностями. Дело было не только и не столько в трудностях физических, хотя были и они: длительные пешие переходы с котомкой, утомительные тряские переезды по распутице и беспокойный сон в крестьянской избе. «Дорога так далека и дорога, что чуть-чуть дотащился» [Письма: 29], — жаловался Максимов в письме к Старчевскому. Гораздо большую проблему представляла неосвоенность приемов и методов полевой этнографической работы. Несмотря на подъем народovedения в России, Максимов во многом оказался на этом пути первопроходцем. А. Н. Пыпин в труде «История русской этнографии» писал: «Это был один из первых опытов прямого изучения народного быта в молодом поколении того времени» [Пыпин: 70].

Ориентирами для Максимова в его работе были В. И. Даль и П. И. Якушкин, обоим он посвятил по очерку. К работе Даля Максимов относился с полным уважением. В очерке «В дороге (Из путевых заметок)» (1860) он писал: «Почти двадцать лет раздается в бесприветной пустыне один голос Владимира Ивановича Даля, голос сильный, заслуживший почетный авторитет, авторитет взятый с боя без уступок, без апелляций». Этот голос «для этнографии и за этнографию <...> не

остался без приветов и ответов» [Максимов 1860: 221]: стало появляться больше этнографической литературы. В 1840–1850-е гг. очерки Даля «были образцом того, как исследование народного быта и культуры можно сделать достоянием литературы» [Щербакова 1997: 108].

Очерк «Павел Иванович Якушкин» создавался много позже экспедиции, в 1884 г., но за каждым словом стоит, по справедливому замечанию М. И. Щербаковой, «огромный собственный опыт полевых этнографических исследований» [Щербакова 1997: 373]. Излагая биографию Якушкина, Максимов будто проводит незримые параллели между ним и собой. Описывая приход Якушкина в народоведение, «на ту дорогу, которая оказалась потом настоящею и на которой Якушкин и получил литературную известность», он упоминает о своеобразном «благословении» его П. В. Киреевским — как это некогда произошло и с ним со стороны Тургенева, Писемского, отчасти Скабичевского: «Чуткий к способностям Якушкина, Петр Васильевич на собственный счет задал ему такую работу, которая наиболее соответствовала дарованиям неудавшегося математика» [Максимов 1884: 5]. Опишет Максимов и сложности и даже опасности работы собирателя «на местах», им самим изведенные: «Он [Якушкин] производил одну из труднейших работ изучения русского народа, встречался глаз на глаз с ним в самых источниках, где тихо и скромно струятся они, в густых зарослях, едва приметные глазу и с трудом доступные (доступные только после многих усилий и при известном искусстве)» [Максимов 1884: 3]; «Путь был темен, приключений бездна; и жердочка тонка, и речка глубока: опасность на ней велика, если не предусмотреть мелкого пустыка, какого-нибудь сучка, даже задоринки» [Максимов 1884: 4]; «в пешем хождении во Владимирской губернии Павел Иванович попал в зажору по пояс, промок до костей и прозяб до тифозного воспаления» [Максимов 1884: 6]; упоминает Максимов и «подозрения захоластных властей», в частности, случай на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде, откуда Якушкин был выслан в Петербург, а также предостережения «одной доброй души» — случилось подобное и с Максимовым в его странствии по Владимирской губернии: он вызвал подозрения у офеней, и только вмешательство местного священника уберегло этнографа от неприятностей. В очерке Максимов пишет о том, как «торговец Якушкин по грязи и бездорожице, под защитой случайной угревы, присаживаясь на облучок встречной и попутной тележки, шел к сво-

ей цели прямо. Крюки и уклонения в сторону он позволял себе только по задаче интересной местности — разумеется, всего охотнее в глушь, по диким проселкам» [Максимов 1884: 6]. Так путешествовал и Максимов: в письме к Старчевскому он, описывая свое первое путешествие, сообщал о «разъездах далеко в сторону от торного пути, по проселкам и закоулкам» [Письма: 29]. Упомянул Максимов и об исследовательских приемах:

Якушкин взвалил на плечи лубочный короб, набитый офенским товаром на крестьянскую руку <...> взял в руки аршин и пошел под этим незамысловатым видом торговца-сумошника на исследование народности и для изучения и записывания песен. Взятый товар, подобранный больше в расчет на слабое девичье сердце, предназначался не на продажу, а на вымен на песни и на что подойдет из подходящего этнографического материала [Максимов 1884: 6].

По примеру Якушкина, Максимов для своего путешествия по Владимирщине выбрал подходящий, по его мнению, для успешного сбора материала костюм — представился семинаристом, отыскивавшим место учителя, а затем, вместе с офеней, некоторое время путешествовал на торжок в виде офени — «с коробком за плечами» и «с аршином в руках» [Максимов 1860: 234]. Подобный же «маскарад» («русский костюм торговца средней руки») будет использовать он в третьем крупном путешествии — поездке в 1858 г. по земледельческим губерниям черноземной России, «где преимущественно приводилось иметь дело с торгующим классом и на рынках» [Максимов 1860: 258]. Такие нехитрые способы не должны удивлять современного читателя: Максимов неоднократно пишет об отсутствии методики, разработанных приемов сбора этнографических материалов: «Приемам учиться было негде; никто еще не дерзал на такие смелые шаги <...> Тогда с “мужиками” водилась только литература, да и то благодаря вмешательству И. С. Тургенева» [Максимов 1884: 7], — пишет он в очерке «Павел Иванович Якушкин» об эпохе своей первой экспедиции, повторив то, о чем с горечью писал в очерке «В дороге (Из путевых заметок)»:

Новое дело, непривычное, затеянное первый раз в жизни. Позади — ничтожная практика, сложившаяся из цепи случайностей, когда смотре-

лось на дело с точки зрения фланера, дилетанта и никак не работника, обязанного известным делом и непреложным обетом. <...> никакой школы и поучения: масса путешествий — и в них конечные результаты, последние выводы и ни одного намека на закулисные, так сказать, рудниковые работы <...> почти ни одного слова для этнографии и за этнографию. <...> И тут, и там, и в литературных журналах стали часто появляться этнографические статьи, но везде с конечным итогом, с последним выводом <...> Оставалось идти по заветному русскому обычаю на авось; положиться на случай, попытаться придумать свои средства и запастись возможно большим терпением <...> собирать сведения не по обдуманному плану, а наугад [Максимов 1884: 220–221, 232].

Максимов психологически достоверно рисует ход мысли исследователя, которому нужно «подойти к нему [человеку] осторожнее и выпытать правду, но так, чтоб он не замкнулся в своей толстой раковине, а распустился бы, как цветок на весеннем солнышке, всецело до последнего, самого мелкого лепестка» [Максимов 1884: 226]. Количество и качество написанного Максимовым говорит о том, что он вполне освоил доступные ему приемы собирательской работы. «Помогли общительность молодого литератора, артистизм, бойкий язык, чувство народного юмора, интуиция этнографа и художественная одаренность» [Щербакова 1997: 38]. В итоге, по словам М. И. Щербаковой, Максимов «был в числе первых, чей практический опыт полевых экспедиций заложил основу будущей методики сбора этнографического материала» [Щербакова 1997: 408].

Не менее важным делом, чем методика, был сам подход к предмету. Следующие поколения этнографов оценили в произведениях Якушкина «совершенно иное отношение к народу <...> не идеализация народа и не глумление над ним, а объективное и беспристрастное отношение наблюдателя, глубоко постигшего народную жизнь и народное мирозерцание, его живую душу» [Русский биографический словарь: 128]. Максимов поддержал этот изменившийся вектор в народоведении: «Уже в первых экспедициях <...> созерцательность исследовательских методов этнографов старой школы (Снегирева, Сахарова) уступила место планомерной и методической работе» [Щербакова 1997: 107, 239–240]. Так, благодаря точным записям Максимова мы имеем научные сведения по этнографии Владимирской гу-

бернии (в том числе, например, уникальный материал по промыслам Судогодского уезда).

Максимов провел во Владимирской губернии немногим более месяца. Однако, судя по следам его путешествия, «разбросанным» по разным текстам, он объездил значительную часть края и многое увидел. «Владимирские» впечатления не сразу сложились в оформленный текст. Но они оказали значительное влияние на творчество писателя, вошли в состав таких книг, как «На Востоке» (1864), «Сибирь и каторга» (раздел «Тюремный словарь») (1871), «Бродячая Русь Христа-ради» (1877), «Крылатые слова. Неспроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится» (1899).

Собранные материалы стали существенным вкладом (иногда — первоначальным) в работу над темами, которыми Максимов будет заниматься, в той или иной степени, всю жизнь. Такой темой, в частности, стала тема артельного единения и объединения людей, проходящая через всю русскую историю [Щербакова 1997: 245, 248]. В ранних очерках Максимов изобразил профессиональные артели отходников, на Русском Севере познакомился с жизнью охотников и рыбаков, староверов, инородцев, соловецких монахов, в путешествии по Сибири материалом для изучения коллективных форм народного жизнеустройства стали арестантские артели, золотопромышленники, рудодобытчики, заводские рабочие, каменотесы и др., в Нижнем Новгороде он наблюдал быт бурлаков, купцов разных гильдий, ярмарочных торговцев, балаганщиков, раешников, артистов и т. п. В путешествии по Владимирской губернии ему открылась жизнь офеней, нищих (от калик переходящих до профессиональных нищebroдoв), артелей иконописцев.

По справедливому замечанию А. Л. Фокеева, в ранних очерках, которые позже составили книгу «Лесная глушь», в поле зрения писателя находились частные судьбы, отдельные социальные типы, а в следующей по хронологии книге — «Год на Севере» — воссоздана народная жизнь целого края. Таким образом, очевидно стремление Максимова «к поискам новых путей очерковой типизации» [Фокеев: 177], и экспедиция стала в этом отношении поворотной. С одной стороны, очерки, вышедшие из-под пера Максимова по результатам владимирской экспедиции, посвящены отдельным социальным типам — нищим, офеням. Интерес представляют наблюдения Максимова за их подгруп-

пами, жизнью, поведением. С другой стороны, произведения писателя посвящены одновременно и Владимирской губернии и содержат порой бесценные сведения о жизни края в середине XIX в., являются «выверенными источниками редких материалов для дальнейших исследований в области литературы, языка, фольклора, этнографии, истории, культуры, религии, краеведения, экономики и других отраслей знаний» [Щербакова 1997: 408].

Путешествие по Владимирскому краю имело для самого Максимова немалое значение потому, что внесло свой вклад в выработку методологии сбора материалов, которая вскоре пригодилась ему в «литературной экспедиции» 1856 г., триумфально для него завершившейся: книга «Год на Севере», написанная по следам поездки, была удостоена малой золотой медали РГО и обеспечила Максиму крепкую репутацию. Его практический опыт полевых исследований стал также существенным вкладом в складывающуюся методiku сбора этнографического материала.

Список литературы

Источники

- Даль В. И.* О наречиях русского языка. СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. 72 с.
- Максимов С. В.* В дороге (Из путевых записок) // Отечественные записки. 1860. № 7–8. С. 219–271.
- Максимов С. В.* Каторга империи. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 480 с.
- Максимов С. В.* Крылатые слова: не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится: по толкованию С. Максимова. СПб.: А.С. Суворин. 1890. 486 с.
- Максимов С. В.* Очерки о Белорусской земле. М.: Индрик, 2018. 576 с.
- Максимов С. В.* Павел Иванович Якушкин. Биографический очерк // *Якушкин П. И.* Собр. соч. СПб.: В. Михневич, 1884. С. 1–30.
- Максимов С. В.* Собр. соч.: в 20 т. СПб.: Т-во «Просвещение», 1908–1914.
- Офени // Владимирские губернские ведомости. № 6. 8 февраля 1847 г. С. 25–27.
- Офени Владимирской губернии // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 9 апреля 1855 г. С. 113–121.
- Письма С. В. Максимова к А. В. Старчевскому. (Подготовка текста, вступительная статья и комментарий А. Павлова) // Альманах «Костромская земля». Кострома: Б. и., 1990. Вып. 1. С. 28–33.
- Прибавление к Владимирским губернским ведомостям. № 43. 24 октября 1842 г.
- Срезневский И. И.* Афинский язык в России // Отечественные записки. 1839. Т. V, август. Отдел VII. Смесь. С. 1–12.

Исследования

- Благовецкий В. С.* Статистическое обозрение состояния Владимирской губернии в 1817 году // Владимирский историко-статистический сборник / под ред. К. Тихонравова. Владимир: Изд-е Владимирского губернского статистического комитета, 1869. С. 1–50.
- Бондалетов В. Д.* В. И. Даль и тайные языки в России. М.: Флинта, 2017. 455 с.
- Дубровский П. С.* Народные промыслы как форма мелкого товарного производства (экономико-теоретический очерк с историческими вставками). Иваново-Шуя: Весть, 2005. 128 с.
- Дубровский П. С., Дубровский С. П.* Офени-икончики во Владимирской губернии // Рождественский сборник. Ковров: Маштекс, 2008. С. 104–109.
- Пантюхов И.* Селение Холуй // Пожарский юбилейный альманах: Вып. 3. К 460-летию первого письменного упоминания села Холуй / ред.-сост. А. Е. Лихачев. Иваново: Талка, 2007. С. 82–100.
- Приемьшева М. Н. И. И.* Срезневский об офенском языке («Офенско-русский» и «русско-офенский» словари И. И. Срезневского 1839 г. из собрания ПФА РАН) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. Т. 3, № 3. С. 335–360.
- Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. Т. 2: Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. 428 с.

Русский биографический словарь. СПб: Имп. русское ист. о-во, 1896–1913. Т. 25. Яблоновский – Фомин. 1913. 493 с.

Срезневский И. И. Афинский язык в России // Отечественные записки. 1839. Т. V, август. Отдел VII. Смерь. С. 1–12.

Фокеев А. Л. Сергей Васильевич Максимов // Знамение времени. Проза XIX века. Саратов: Лицей, 2005. 208 с.

Щербакова М. И. В. И. Даль и С. В. Максимов // Филология в системе современного университетского образования. М.: УРАО, 2002. Вып. 5. С. 132–137.

Щербакова М. И. Проза С. В. Максимова: Текстология и вопросы поэтики: дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1997. 418 с.

References

Blagoveshchenskii, V. S. “Statisticheskoe obozrenie sostoianiiia Vladimirskoi gubernii v 1817 godu” [“Statistical Review of the State of the Vladimir Province in 1817”]. Tikhonravov, K., editor. *Vladimirskii istoriko-statisticheskii sbornik [Vladimir Historical and Statistical Collection]*. Vladimir, Izdanie Vladimirskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta Publ., 1869, pp. 1–50. (In Russ.)

Bondaletov, V. D. *V. I. Dal’ i tainnye iazyki v Rossii [V. I. Dal and Secret Languages in Russia]*. Moscow, Flinta Publ., 2017. 455 p. (In Russ.)

Dubrovskii, P. S. *Narodnye promysly kak forma melkotovarnogo proizvodstva (ekonomiko-teoreticheskii ocherk s istoricheskimi vstavkami) [Folk Crafts as a Form of Small-scale Production (An Economic and Theoretical Essay with Historical Inserts)]*. Ivanovo-Shuia, Vest’ Publ., 2005. 128 p. (In Russ.)

Dubrovskii, P. S., Dubrovskii S. P. “Ofeni-ikonshchiki vo Vladimirskoi gubernii” [“Ofen-icons in the Vladimir Province”]. *Rozhdestvenskii sbornik [Christmas Collection]*. Kovrov, Mashteks Publ., 2008, pp. 104–109. (In Russ.)

Pantiukhov, I. “Selenie Kholui” [“The Village of Kholui”]. Likhachev, A. E., editor. *Pozharskii iubileinyi al’manakh [Pozharsky Jubilee Almanac]*, issue 3: K 460-letiiu pervogo pis’mennogo upominaniia sela Kholui [To the 460th Anniversary of the First Written Mention of the Village of Kholui]. Ivanovo, Talka Publ., 2007, pp. 82–100. (In Russ.)

Priemysheva, M. N. “I. I. Sreznevskii ob ofenskom iazyke (‘Ofensko-russkii’ i ‘russo-ofenskii’ slovari I. I. Sreznevskogo 1839 g. iz sobraniia PFA RAN)” [“I. I. Sreznevsky about the Offen Language (‘Ofen-Russian’ and ‘Russian-Ofen’ Dictionaries of I. I. Sreznevsky 1839 from the Collection of the PFA RAS)”]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniï*, vol. 3, no. 3, 2007, pp. 335–360. (In Russ.)

Pypin, A. N. *Istoriia russkoi etnografii [History of Russian Ethnography]*, vol. 2: Obshchii obzor izuchenii narodnosti i etnografiiia velikoruskaia [General Overview of Studies of Nationality and Great Russian Ethnography]. St. Petersburg, Tipografia M. M. Stasiulevicha Publ., 1891. 428 p. (In Russ.)

Russkii biograficheskii slovar’ [Russian Biographical Dictionary], vol. 25. St. Petersburg, Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshchestvo Publ., 1896–1913. Iablonovskii-Fomin Publ., 1913. 493 p. (In Russ.)

Fokeev, A. L. "Sergei Vasil'evich Maksimov" ["Sergey Vasilyevich Maksimov"]. *Znamenie vremeni. Proza XIX veka* [*Sign of the Times. Prose of the 19th Century*]. Saratov, Litsei Publ., 2005. 208 p. (In Russ.)

Shcherbakova, M. I. "V. I. Dal' i S. V. Maksimov" ["V. I. Dal and S. V. Maksimov"]. *Filologiya v sisteme sovremennogo universitetskogo obrazovaniia* [*Philology in the System of Modern University Education*], issue 5. Moscow, University of the Russian Academy of Education Publ., 2002, pp. 132–137. (In Russ.)

Shcherbakova, M. I. *Proza S. V. Maksimova: Tekstologiya i voprosy poetiki* [*Prose of S. V. Maksimov: Textual Criticism and Questions of Poetics: DSc Dissertation*]. Moscow, 1997. 418 p. (In Russ.)